

ВОЕННАГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА.

№ 19

1 октября.

№ 19

Цѣна годового изданія, выходящаго 1 и 15 числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2 печатныхъ листовъ. 5 р. съ доставкою и пересылкою.
За страницу объявленій—10 р., 1/2 стр.—6 р. и 1/4 стр.—3 р.

Адресъ редакціи журнала: С.-Петербургъ, Воскресенскій просп., д. № 18.

Адресъ о. редактора: *Таврическая ул.*, д. № 21, кв. 17. *Телеф.* 201—40

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Благодарность о. Протопресвитера.

Объявляется глубокая благодарность Его Высокопреподобія, о. Протопресвитера полковнику гвардейскаго запаснаго кавалерійскаго полка **Н. В. Бородину** за пожертвованіе въ полковую церковь цѣннаго, высокохудожественнаго письма, образа: „*Освобожденіе Ангеломъ Св. Апостола Петра изъ темницы*“.

Распоряженія о. Протопресвитера.

Исключенъ изъ списковъ военнаго духовенства утонувшій псаломщикъ церкви Екатериноградскаго дисциплинарнаго баталіона Павелъ **Турбинъ** († 23-го августа).

На вакансію псаломщика къ церкви Екатериноградскаго дисциплинарнаго баталіона назначенъ регентъ хора графа Шереметева, что въ имѣніи Михайловскомъ, Московской губерніи, Иванъ **Сытникъ** (3 сентября).

На вакансію штатнаго діакона къ Александропольской крѣпостной церкви назначенъ прослушавшій 8 семестровъ ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Университета Николай **Барыкинъ**, съ возведеніемъ въ санъ священника и откомандированіемъ для служенія въ часовнѣ-церкви на „Холмѣ Чести“ (6-го сент.).

Священникъ Виленскаго окружнаго артиллерійскаго управленія Павелъ **Писемскій**, за окончаніемъ лагернаго

артиллерійскаго сбора, прикомандированъ. для исполненія пастырскихъ обязанностей, къ церкви 108 пѣхотнаго Саратовскаго полка, въ виду болѣзни полковаго священника **Василія Кутузова** (10 сентября).

Благочинный 36 пѣхотной дивизіи, священникъ церкви 141 пѣхотнаго Можайскаго полка **Александръ Кушинъ**, согласно прошенію, по болѣзни, уволенъ отъ службы по военно-духовному вѣдомству въ отставку; на его мѣсто, съ званіемъ благочиннаго названной дивизіи, перемѣщенъ благочинный 34 пѣхотной дивизіи, священникъ церкви 133 пѣхотнаго Симферопольскаго полка **Василій Игнатенко**, на вакансію котораго, съ званіемъ благочиннаго 34 пѣхотной дивизіи, назначенъ протоіерей Севастопольскаго адмиралтейскаго собора **Евлампій Якиманскій**; на вакансію 2-го священника къ названному собору перемѣщенъ благочинный судовыхъ церквей Черноморскаго флота, священникъ линейнаго корабля „Іоаннъ Златоустъ“ **Теодоръ Миляновскій**; на упомянутое судно назначенъ благочинный военныхъ церквей Мервскаго района, священникъ церкви 13 Туркестанскаго стрѣлковаго полка **Василій Бреневъ**; къ церкви названнаго полка перемѣщенъ священникъ Каахкинской военно-мѣстной церкви **Іоаннъ Соколовскій**, вакансія послѣдняго предоставлена священнику Рязанской епархіи **Василію Русову**.

Благочиннымъ судовыхъ церквей Черноморскаго флота, вмѣсто священника Миляновскаго, назначенъ штатный судовой священникъ транспорта „Березань“ **Николай Дмитріевскій**, а благочиннымъ военныхъ церквей Мервскаго района—священникъ 15 Туркестанскаго стрѣлковаго полка **Николай Иконниковъ** (15 сентября).

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

Служеніе священника на войнѣ.

(Изъ наблюденій участника Русско-Японской войны).

„Въ Русско-Японскую войну мы повторили тѣ же ошибки, что и въ послѣднюю Русско-Турецкую“,—это мнѣ неоднократно приходилось и въ печати читать, и изъ устъ живыхъ свидѣтелей слышать. Болѣзненно горько сознавать, что такъ легко могутъ пропа-

дать у насъ даваемые жестокой дѣйствительностью военнаго времени, окупаемые кровью и огромной затратой народнаго труда, силъ и богатствъ, уроки прошлаго. Не подмѣчая ошибокъ, не запоминая и не исправляя ихъ, нельзя научиться работать и тѣмъ болѣе нельзя работать съ желаннымъ успѣхомъ. Жизнь—въ совершенствованіи; кто не идетъ впередъ, тотъ остается позади; а совершенствованіе—прежде всего въ распознаваніи ошибокъ и устраненіи ихъ; не изучившій пути можетъ спотыкаться каждый разъ на одномъ и томъ же мѣстѣ; начинать каждый разъ съ начала—самая безотрадная исторія, не могущая сулить добра.

Правда, повторенныя въ Русско-Японскую войну ошибки прошлаго не перестаютъ и въ печати, и на академической кафедрѣ, и въ арміи подмѣчаться, изучаться и освѣщаться. Нельзя, конечно, быть увѣреннымъ, что будущее, забывъ урокъ, снова не повторитъ ихъ, но приходится и тѣмъ утѣшаться, что ими теперь интересуются. Остается пожелать, чтобы такое изученіе коснулось не нѣкоторыхъ только, а всѣхъ сторонъ боевой жизни арміи, не исключая и духовной—религіозной.

Если когда, то въ настоящее время особенно сильно сознается, что религіозная сторона имѣетъ огромное значеніе въ воспитаніи русскаго воинства, въ развитіи крѣпкаго и могучаго духа русской арміи и что роль священника въ арміи—почтенная и отвѣтственная роль, роль молитвенника, просвѣтителя и вдохновителя русскаго воинства.

Такова роль военнаго священника въ мирное время.

Въ военное время эта роль становится еще важнѣй и отвѣтственнѣй, а вмѣстѣ съ этимъ—и плодотворнѣй.

Обстановка боевого времени дѣлаетъ ее такой.

Огромная напряженность военной работы въ боевое время требуетъ духовной поддержки для воиновъ со стороны пастыря Церкви; постоянныя опасности, близость смерти переносятъ мыслями война къ вопросамъ вѣчности; душа война на войнѣ жаждетъ молитвы, чутко прислушивается къ слову о вѣчномъ, просится къ Богу. А отсутствіе повседневныхъ заботъ, развлеченій, однообразіе жизни только побуждаютъ война въ это время тянуться къ церкви и богослуженію. Тутъ и слабовѣрующіе и невѣрующіе притекаютъ къ ней. Пусть даже послѣдніе идутъ сюда гонимые бездѣльемъ, не по чистому влеченію сердца, а лишь для того, чтобы скоротать время, разогнать скуку, но развѣ слово пастыря не можетъ дойти и до ихъ слуха, развѣ благодать Божія не можетъ коснуться и ихъ

сердца и оставить на нихъ слѣдъ на всю жизнь? Какъ часто бывало это!

Въ мирное время роль военного пастыря каждому военному священнослужителю ясна и понятна, а условія прохожденія ея въ общемъ каждому извѣстны. Но военное время предъявляетъ священнику свои требованія и ставитъ дѣятельность его въ новыя условія, которыя не сразу всякимъ могутъ быть поняты и оцѣнены. Между тѣмъ это непониманіе священнослужителемъ условій военного времени, неумѣніе ориентироваться въ окружающей его обстановкѣ можетъ ослаблять, а то и совсѣмъ парализовать его работу.

Къ сожалѣнію, надо сказать, что для этой области уроки давняго прошлаго почти канули въ вѣчность. Даже опытъ минувшей Русско-Японской войны почти не использованъ, а въ печати и совершенно не взвѣшенъ.

Кромѣ отдѣльных замѣчаній о дѣятельности того или другого священнослужителя, кромѣ небольшихъ разеказовъ, "рисующихъ скорѣе бытовыя, чѣмъ идейныя, стороны пастырской работы на войнѣ, почти ничего серьезнаго въ печати не дано: принципиальныхъ вопросовъ не затронуто, недоумѣній не разрѣшено и дѣятельность священника на войнѣ—не очерчена. Если этотъ вопросъ и дальше оставить безъ разрѣшенія, то военнымъ пастырямъ пришлось бы идти на новую войну съ тѣмъ же опытомъ, съ какимъ шли ихъ предшественники на Русско-Японскую войну, вѣрнѣе—идти безъ всякаго опыта.

Живо вспоминаю свои сборы, когда я долженъ былъ въ февралѣ 1904 г. отправиться на войну, въ только что сформированный полкъ.

Что брать съ собою, чѣмъ запастись на войну? Мнѣ совѣтовали: одни взять больше нижняго бѣлья, и рубашки—непремѣнно чечучовыя; другіе—больше консервовъ, такъ какъ на войнѣ ждешь голодовка; третьи—уговаривали меня не брать болѣе одного верхняго костюма, такъ какъ война скоро кончится, да и ни къ чему верхніе лишніе костюмы. Я послушался и тѣхъ и другихъ. И что же вышло? Часть нижняго бѣлья я чрезъ два года привезъ нетронутымъ, консервы пришлось выбросить, такъ какъ нужды въ нихъ не оказалось; за то чрезъ полгода верхній костюмъ мой совсѣмъ истрепался, а высланный на выручку изъ Россіи затерялся на почтѣ... Это, конечно, мелочь, но и она характерна.

Также дѣло обстояло и съ болѣе серьезнымъ.—На мой вопросъ: есть ли въ полку походная церковь и нужныя для богослу-

женія принадлежности, — мнѣ отвѣчали: „навѣрное, есть“. Къ счастью, я запаса всѣмъ нужнымъ для совершенія богослуженія и, только благодаря этому, не оказался въ критическомъ положеніи. Я пріѣхалъ въ полкъ 12-го марта, въ концѣ марта была Пасха, а церковь походную съ принадлежностями полкъ получилъ только въ концѣ мая... Хорошо бы я утѣшилъ свою паству въ страстную недѣлю и Пасху, если бы мнѣ не съ чѣмъ и не въ чемъ было совершить богослуженіе?..

Задачи для дѣятельности священника въ военное время въ общемъ тѣ же, что и въ мирное время: 1) священникъ обязанъ удовлетворять религіозное чувство и религіозныя нужды воиновъ, чрезъ совершеніе богослуженій и требъ; 2) священникъ пастырскимъ словомъ и примѣромъ долженъ вліять на свою паству. Исключительная обстановка боевого времени и возникающіе у воиновъ подъ ея вліяніемъ особенныя религіозно-нравственныя нужды и запросы требуютъ лишь, чтобы священникъ въ выполненіи основныхъ задачъ своего служенія примѣнился къ такой обстановкѣ, угадалъ запросы и нашелъ способы удовлетворенія ихъ.

Какъ же выполнялись священникомъ Маньчжурскихъ армій и какъ должны бы выполняться та и другая задача?

Такъ какъ время сраженій ставило священниковъ въ совершенно новыя условія и предъявляло къ нимъ особыя требованія, то мы будемъ разсматривать особо дѣятельность священниковъ въ промежуточное между сраженіями время и дѣятельность священниковъ во время сраженій.

Промежутки между боями въ Русско-Японскую войну были очень продолжительны.

На лѣвомъ флангѣ первый бой былъ 18 апрѣля у Тюренчена, на правомъ 1—2 іюня у Вафангоо; слѣдующій бой былъ 10—11 іюля у Тапичао, затѣмъ, въ половинѣ августа у Ляояна, а 8 янв. у Сандепу и, наконецъ, въ февралѣ у Мукдена. Въ промежутки между этими боями нерѣдко происходили схватки съ непріателемъ, но онѣ касались отдѣльныхъ частей и для послѣднихъ были эпизодическими. Въ общемъ же жизнь въ частяхъ въ это время проходила ровно и достаточно спокойно. Аккуратному отправленію богослуженій въ это время могли мѣшать передвиженія частей съ мѣста на мѣсто, которыя, надо сказать, не были особенно частыми. Всѣ другія занятія: работы по укрѣпленію позицій, рекогносцировки и ночныя нападенія на врага производились обыкновенно ротами, баталіонами, но не всей частью, и не могли мѣшать

совершенію богослуженій. Чаще препятствіе представлялось съ другой стороны,—со стороны Маньчжурской природы, съ ея ливнями, непокойными ураганами и холодами, и со стороны походной жизни, лишавшей иногда возможности запасться церковнымъ виномъ и просфорами, но и эти препятствія при добрыхъ усиліяхъ такъ или иначе могли препобъждаться.

Священникъ на войнѣ долженъ твердо помнить, что совершеніе богослуженій во всѣ воскресные и праздничные дни—его священный долгъ, и всякій разъ употребить всѣ усилія, чтобы побѣдить встрѣчающіяся на пути къ исполненію этого долга препятствія. Слишкомъ великое дѣло—богослуженіе на войнѣ. Побывавшему на войнѣ трудно было не убѣдиться въ этомъ. Мнѣ никогда не забыть бывшаго со мною слѣдующаго случая. Это было 24-го октября 1904 г. Полкъ нашъ, послѣ долгихъ, начавшихся 21-го сентября, странствованій и тяжелаго Шахэйскаго боя, только что сталъ около дер. Хуаньшань. Въ теченіе этого времени мнѣ не пришлось ни разу совершить ни всенощной, ни литургіи,—зародилась дурная привычка пропускать службу. Не безъ вліянія этой привычки я и 24-го не сталъ служить, воспользовавшись тѣмъ предлогомъ, что полкъ еще не устроился на мѣстѣ и нѣсколько ротъ ушли утромъ на работу. Въѣето того, чтобы служить, я отправился въ Главную Квартиру Командующаго арміей, стоявшую въ дер. Хуаньшань, по какому-то дѣлу. Когда я подходилъ къ деревнѣ, до меня съ другой стороны деревни донеслись звуки херувимской пѣсни: на горкѣ, около деревни служили литургію.

Трудно словами передать, что я перечувствовалъ въ это время!

Вспомнилась мнѣ и родина и родная, въ которой я служилъ предъ войной, церковь; на душѣ пріятно—пріятно разлились звуки священной пѣсни, почувствовалась особенная сладость ихъ; мысль оторвалась отъ всего окружающаго и унеслась въ другой, чистый міръ. Я остановился и долго слушалъ, находя въ простыхъ, незатѣйливыхъ мелодіяхъ „Вѣрую“, „Милость мира“ и т. д. все новые и новые оттѣнки высокаго чувства; новыя и новыя мысли лѣзли въ мою голову; въ словахъ богослужебныхъ пѣсней, которыя я ранѣе слушалъ и самъ воспѣвалъ тысячи разъ, теперь мнѣ открылись совершенно новыя глубины богословской мысли и религіознаго чувства; теперь они какой-то особой теплотой согрѣли мою душу. Кончилась служба... Смолкли звуки... Я пришелъ въ себя. Точно

молотомъ ударило меня по головѣ: „что я дѣлалъ?! Какъ я смѣлъ оставлять службу?! Вѣдь, и на многихъ другихъ богослуженіе можетъ произвести такое же впечатлѣніе, какое произвело теперь на меня. И многіе другіе также могутъ обновиться отъ него и мыслью и душой... А я лишалъ ихъ этого высокаго наслажденія. Нѣтъ, больше не бывать этому!“ Я, душевно разбитый вернулся на бивуакъ; стыдно мнѣ было смотрѣть въ глаза и нижнимъ чинамъ и офицерамъ, точно я совершилъ предъ ними огромное преступленіе. За то послѣ этого случая я не упускалъ повода, чтобы совершить въ полку богослуженіе.

Другой театръ военныхъ дѣйствій въ районѣ какого-либо христіанскаго государства представилъ бы гораздо больше удобствъ по отправленію богослуженія, чѣмъ Маньчжурія. Здѣсь же на огромномъ протяженіи отъ Портъ Артура до Харбина имѣлось всего пять небольшихъ храмовъ: въ Портъ Артурѣ, Инкоу, Ляоянѣ, Мукденѣ и Харбинѣ, которыми могла воспользоваться только незначительная доля арміи. Всѣ же части должны были пользоваться походными церквами, которыми были снабжены пѣхотные и кавалерійскіе полки.

Эти походныя церкви, сооруженныя для полковъ, по заказу интендантства, фабр. Ж.,—одно изъ печальныхъ воспоминаній прошлой войны. Церкви представляли комплектъ нужныхъ при богослуженіи церковныхъ вещей, безъ толку подобранныхъ, несуразно-устроенныхъ и въ несуразномъ ящикѣ размѣщенныхъ. Нужнаго тутъ не было, а ненужнаго было очень много: не было, напримѣръ, апостола, за то былъ мѣдный чайникъ. Всѣ книги были тяжеловѣсны, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ для походнаго богослуженія совсѣмъ излишни. Иконъ всего было двѣ, на доскахъ,—Спасителя и Божіей Матери. Первая икона почему-то была чуть не въ два раза больше второй. вмѣсто лишнихъ книгъ можно было бы съ большимъ удобствомъ и пользой имѣть лишнюю икону на холстѣ, а не на доскѣ. Дарохранительницы закрывались такъ неплотно, что изъ нихъ сыпались Св. Дары,—это сосудъ для храненія величайшей святыни! Также небрежно и непрочны были устроены и другіе предметы—кадила, сосуды. Ихъ скоро приходилось замѣнять другими. Ящикъ для вещей былъ неуклюжій и громоздкій, какъ бы нарочито для того устроенный, чтобы повозка съ нимъ скорѣе могла застрять въ Маньчжурской грязи. Нѣкоторые командиры полковъ рѣшительно отказывались держать этотъ ящикъ въ обозѣ перваго

разряда изъ опасенія потерять его, и ящикъ пребывалъ всегда вдали отъ полка ¹⁾).

Съ такой походною церковью мало чѣмъ было лучше, чѣмъ совсѣмъ безъ церкви.

Полки собственными усиліями и, въ общемъ, съ успѣхомъ восполняли недочеты казеннаго снаряженія. И офицеры, и нижніе чины съ рѣдкой охотѣй помогали священникамъ, чтобы обставить богослуженіе большимъ благолѣпіемъ, а главное—создать хотя бы подобіе настоящаго храма. При дружномъ содѣйствіи чиновъ устраивались приличныя церкви въ китайскихъ фанзахъ, госпитальныхъ шатрахъ, зимой—въ землянкахъ. Изъ скуднаго матеріала: ротныхъ иконъ, нѣсколькихъ кусковъ разноцвѣтной китайской „дрели“, гаюляна и обрубковъ дерева сооружали иконостасы, подсвѣчники, изъ проволоки и патронныхъ гильзъ—паникадила, изъ китайскихъ колоколовъ—звонницы. Иногда среди чиновъ находились живописцы, которые, пользуясь минутами досуга, не жалѣли трудовъ, чтобы увеличить благолѣпіе храма. Какъ важенъ былъ для чиновъ этотъ примитивный храмъ, трудно и представить. Онъ переносилъ ихъ въ родную обстановку православныхъ храмовъ, настраивалъ ихъ на молитвенный тонъ, душѣ давалъ отраду и, само собою понятно, съ особою любовью посѣщался ими.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя было устроить временный храмъ, богослуженіе совершалось подъ открытымъ небомъ: покрытый пеленой столъ или сдѣланное изъ дерну возвышеніе замѣняло престолъ; небольшой, заграждавшій святыню отъ вѣтра и дождя навѣсъ изъ палатокъ,—алтарь, а сводъ небесный—куполъ храма. Въ тихую, ясную погоду богослуженіе подъ открытымъ небомъ и особенно совершеніе литургіи представляло трогательную картину: кругомъ необозримыя маньчжурскія поля; предъ палаткой, въ кото-

¹⁾ Наоборотъ, духовное начальство, въ первый періодъ войны, требовало, чтобы повозка съ церковнымъ ящикомъ всегда находилась въ обозѣ 1-го разряда. По нашему мнѣнію, и то и другое рѣшеніе вопроса, гдѣ быть церковную ящику, было ошибочнымъ: находясь при полку и во время боя, церковный ящикъ подвергался опасности быть захваченнымъ непріателемъ, что и случилось въ 4 В. С. стрѣлковомъ полку въ бою при Шахэ; когда жъ онъ и въ не боевое время находился вдали отъ полка, тогда онъ оказывался для полка бесполезнымъ. Его мѣсто: во время боя—вдали отъ полка, въ обозѣ 2-го разряда; въ промежуточное между боями время, особенно когда полкъ стоитъ въ арріергардѣ,—при полку въ обозѣ 1-го разряда.

рой совершается таинство,—море головъ, точно созрѣвшая нива; надъ ними солнышко, какъ величественная зажженная лампада, и далеко, далеко по странѣ, еще не узнавшей Христа, изъ груди пришедшихъ умирать за братьевъ несутся могучія хвалебныя пѣсни Источнику истинной жизни и Побѣдителю смерти...

Китайцы толпами стекались смогрѣть на наше богослуженіе, и это еще усиливало величественность картины.

При главныхъ квартирахъ Главнокомандующаго и Командующихъ арміями, гдѣ было больше перевозочныхъ средствъ, были приобрѣтены походные иконостасы и вполне достаточное количество утвари и облаченій, что давало полную возможность обставить богослуженіе еще благолѣпнѣе.

Въ госпиталяхъ дѣло съ устройствомъ походныхъ церквей обстояло почти такъ же, какъ и въ полкахъ. Но здѣсь встрѣчалось меньше препятствій къ совершенію богослуженія, такъ какъ госпитали располагались на значительномъ разстояніи отъ боевой линіи рѣже, чѣмъ полки, двигались съ мѣста на мѣсто. Госпитальнымъ священникамъ, кромѣ того, легче было добывать просфоры и вино. Здѣсь дѣло страдало отъ другихъ причинъ: нѣкоторые госпитальные священники 1) получили при отправленіи на войну церковныя вещи въ недостаточномъ количествѣ и плохого качества и 2) совсѣмъ не получили, какъ не положенныхъ по табели, антиминовъ. Прибывъ на войну, нѣкоторые изъ госпитальныхъ священниковъ пытались уже здѣсь приобрѣсти св. антимины, но и тутъ имъ было отказано на томъ же основаніи... А между тѣмъ для госпиталя совершеніе литургіи еще нужнѣе и возможности тамъ больше совершать литургію. И госпитальному священнику, и чинамъ госпиталя особенно тяжело было оставаться безъ литургіи въ страстную седмицу и въ день св. Пасхи, какъ и въ Рождественскія Святки,—а эти дни пришлось пережить на войнѣ дважды. Въ маѣ 1905 г. Главнокомандующій замѣтилъ эту несообразность и потребовалъ снабженія госпиталей тыла св. антиминами. Нужда эта, впрочемъ, еще ранѣе была замѣчена и удовлетворена въ арміяхъ.

Важную сторону богослуженія составляетъ пѣніе. Въ общемъ, церковное пѣніе на войнѣ во всѣхъ почти полкахъ стояло очень высоко, можетъ быть лучше, чѣмъ въ мирное время. На войнѣ больше было усердія къ нему, недостатка же въ пѣвцахъ никогда не бывало.

Значительно мѣшала развитію хора частая смѣна пѣвцовъ

убывавшихъ послѣ кажлаго боя ¹⁾. За то хоръ для своихъ упражненій не нуждался въ свободномъ времени, котораго всегда доставало съ избыткомъ. Препятствій къ занятію церковнаго хора пѣніемъ никто не ставилъ. Поэтому хоръ не налаживался только тамъ, гдѣ священникъ не желалъ удѣлить ему никакого вниманія. Устраивавшіяся на бивуакахъ спѣвки церковнаго хора всегда привлекали множество слушателей, не знавшихъ часто, какъ занять время, и получавшихъ при этихъ спѣвкахъ и утѣшеніе, и развлеченіе. И въ этомъ отношеніи церковные хоры были чрезвычайно полезны и дороги.

Говоря о совершеніи богослуженія на войнѣ и объ огромномъ влияніи его на войска, нельзя умолчать о тѣхъ воинскихъ частяхъ, которыя не имѣли своихъ священниковъ. Къ прискорбію, такихъ частей въ нашей арміи—множество. Почти всѣ артиллерійскія бригады, войска пограничной стражи, казачьи полки, саперные и желѣзнодорожные баталіоны, всѣ дивизіонные обозы и лазареты, телеграфныя роты, понтонные баталіоны, транспорты, сборные пункты и пр. и пр.,—словомъ, добрая половина дѣйствующей арміи не имѣла своихъ священниковъ. Какъ же эти части устраивались съ церковнымъ дѣломъ, отъ кого они питались духовно? Не ровно. Въ лучшемъ положеніи находились артиллерійскія части. Онѣ всегда располагались около пѣхотныхъ полковъ,—бригада чаще всего разбивалась на батареи, которыя размѣщались между полками дивизіи. Находясь около полковъ, части эти обслуживались полковыми священниками и слушали богослуженіе вмѣстѣ съ полками. Чаще всего бывало такъ, что батареи распредѣлялись между священниками дивизіи и послѣ этого каждый священникъ обслуживалъ свою батарею. Въ такомъ же почти положеніи находились телеграфныя роты и саперные баталіоны. Они, однако, не могли всегда располагаться около полковъ и тѣмъ болѣе—около однихъ и тѣхъ же полковъ. Въ несравненно худшемъ положеніи находились дивизіонные обозы (всегда) и казачьи полки (часто); первые располагались въ тылу, вторые—впереди арміи, часто на крайнихъ флангахъ, и тѣ и другіе—вдали отъ частей, имѣющихъ своихъ священниковъ. Положеніе казачьихъ частей, когда они находились на крайнихъ флангахъ, было ужасно: чины умирали безъ напутствія, погребались безъ священническаго благословенія; по мѣсяцамъ не видѣли священника и

¹⁾ Вѣдь, въ нѣкоторыхъ полкахъ составъ въ теченіе войны перемѣнился нѣсколько разъ.

не слышали богослуженія. Въ дивизионные обозы заглядывалъ только нарочито командированный священникъ, но о такихъ командировкахъ догадывались рѣдко ¹⁾. Такой непорядокъ не долженъ повторяться на слѣдующей войнѣ. Если нельзя дать священниковъ всѣмъ частямъ, то тѣмъ болѣе нельзя оставить войска съ наличнымъ числомъ священниковъ. Въ минувшую войну въ дивизіи имѣлось четыре священника. Эти четыре священника не имѣютъ никакой возможности обслужить не только четыре пѣхотныхъ полка, но и всѣ части, входящія въ составъ дивизіи. Что жъ остается сдѣлать! Увеличить число священниковъ въ дивизіи. Думается, что если бы прибавить въ каждую дивизію двухъ священниковъ, имъ хватило бы по горло дѣла! ²⁾.

Въ то время, какъ полковые священники обслуживали бы пѣхотные полки и артиллерію, эти два служили бы въ саперныхъ, понтонныхъ, лазаретныхъ и обозныхъ и другихъ частяхъ, а въ случаяхъ болѣзни или убыли полковыхъ священниковъ—замѣняли ихъ. Независимо отъ этого надо дать особыхъ священниковъ казачьимъ полкамъ.

Останавливаясь предъ неизбѣжнымъ для этого расходомъ было бы преступно. На содержаніе арміи тратились въ минувшую войну миліоны въ день. Что значить въ этой массѣ золота расходъ на содержаніе лишнихъ пятидесяти—ста священниковъ? Между тѣмъ духовные интересы арміи заслуживаютъ вниманія: родина какъ будто не въ правѣ отказать въ грошевомъ расходѣ на удовлетвореніе религіозныхъ нуждъ воиновъ, которые въ жертву ей несутъ

¹⁾ Бывали случаи, что цѣлые отряды не имѣли своего священника. Таковъ, напримѣръ, былъ отрядъ полковника Мадритова, находившійся на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, вдали отъ арміи. Отрядъ самъ прискалъ себѣ за какое-то вознагражденіе священника, какого-то безграмотнаго іеромонаха Іосифа. Трудно было отряду съ безграмотнымъ іеромонахомъ, но и о. Іосифу было не легко съ отрядомъ: отрядъ неаккуратно платилъ ему жалованье, а затѣмъ и совсѣмъ отказался платить „за отсутствіемъ источника“. Штабамъ досталось не мало работы разбирать денежную тяжбу между о. Іосифомъ и полк. Мадритовымъ.

²⁾ Независимо отъ этого при Главномъ Полевомъ Священникѣ должно быть не менѣе 3 священниковъ для командировокъ. Они постоянно требуются для исполненія требъ на сборныхъ пунктахъ, въ отдѣльныхъ отрядахъ и пр. Между тѣмъ въ минувшую войну были совсѣмъ упразднены должности священниковъ для командировокъ при Главныхъ Священникахъ арміи, хотя по Высочайше утвержденному положенію при каждомъ Главномъ Священникѣ полагался одинъ такой священникъ.

жизни свои. Удовлетвореніе же духовныхъ нуждъ арміи дастъ большіе плоды и этими плодами съ лихвою вознаградить сдѣланныя затраты. Распространяться по этому поводу нѣтъ нужды,—все само собою ясно.

Если же родина не захочетъ порадовать о духовныхъ нуждахъ арміи, тогда священники, находящіеся на войнѣ, должны пожалѣть нуждающихся. Они, хотя бы съ затратою послѣднихъ силъ, должны послужить и тѣмъ частямъ, которыя не имѣютъ своихъ священниковъ. Позаботиться же о томъ, чтобы ни одна часть не осталась безъ пастырскаго надзора и помощи и чтобы пастырскій трудъ между наличными священниками арміи былъ распределенъ равномерно,—это долгъ Полевого Главнаго Священника и благочинныхъ.

Резюмируемъ изложенное. Священнослужители—участники будущей войны—должны твердо помнить, что аккуратное, по возможности, неопустительное совершеніе богослуженій на театрѣ военныхъ дѣйствій—ихъ священнѣйшій долгъ, къ выполнению котораго они должны приложить все усилія; чтобы богослуженіе было болѣе благолѣпнымъ, они должны вмѣстѣ съ этимъ неустанно заботиться о развитіи хоровъ; все священники, находящіеся на войнѣ, должны быть снабжены св. антиминомъ: священникъ, не имѣющій возможности совершать литургіи,—явленіе не нормальное; богослуженіе безъ литургіи—не полное богослуженіе. Полевые Главные Священники обязаны позаботиться, чтобы священники могли добывать безъ особаго труда и просфоры и вино ¹⁾). Полевые Главные Священники и благочинные должны позаботиться, чтобы не остались безъ удовлетворенія русскія національныя нужды частей, не имѣющихъ своихъ священниковъ, а священники должны не пожалѣть своихъ силъ на удовлетвореніе этихъ нуждъ.

Учительная дѣятельность священника на войнѣ.

Жизнь на войнѣ рѣзко отличается отъ жизни въ мирное время. Идетъ бой—люди изнемогаютъ отъ труда, напряженія силъ и лишений. Настаетъ затишье, люди не знаютъ куда дѣвать время. Дѣла, занятій мало, а здоровыхъ развлеченій нѣтъ. Въ мирное время можно скоротать время книжкой, газетой, а тутъ нѣтъ ни того, ни другого. И вотъ въ минуты бездѣлья, тоска по родинѣ, по семьѣ

1) Печеніе первыхъ могли бы принять на себя хлѣбопекарни; доставка вина могла бы производиться экономическимъ обществомъ или тѣмъ же интендантствомъ.

какъ заберется въ сердце, какъ заложеть его, не трудно тогда человѣку отдаться первому развлеченію, какъ бы пошло не было оно. Бездѣлье и отсутствіе добрыхъ развлеченій—самые страшные враги человѣка, предъ которыми и сильные сдаются. Война страшна этой своей стороной. Сильные и храбрые гибнуть въ бою, а слабые, безвольные, слабовольные и неосторожные—въ затишьѣ,—гибнуть отъ того врага, который не переставая бродить по русской землѣ, унося тысячи, сотни тысячъ жертвъ,—отъ хмѣльнаго вина. Другіе ищутъ развлеченія въ картежной игрѣ, нерѣдко принося этому Молоху въ жертву и свое, и своихъ семействъ благополучіе, а иногда и жизнь свою. И винопитіе и картежная игра не мало унесли жертвъ въ минувшую войну.

Бороться съ тѣмъ и другамъ зломъ, охъ, какъ трудно, такъ какъ тутъ приходится бороться не съ пороками только, но и съ обстановкой, съ бездѣльемъ, напряженностью нервовъ,—словомъ съ тѣми условіями, которыя благоприятствуютъ развитію этихъ пороковъ, но все же священники обязаны бороться. Давать совѣты священнику, какъ вести это дѣло борьбы, тутъ трудно. Разумъ и сердце должны подсказать ему, какъ надо спокойно, осторожно, не задѣвая и не раздражая самолюбія, по дружески, по отечески подойти къ офицеру и поддержать, успокоить, предостеречь его. Конечно, на полную побѣду и уничтоженіе враговъ, рискованно тутъ разсчитывать, но въ то же время усилія священника, если только онъ мудро приложить ихъ, могутъ сильно ослабить зло.

Нижніе чины еще болѣе нуждаются на войнѣ въ духовномъ руководствѣ. Для простаго человѣка еще нужнѣе въ трудныя минуты нравственно-религіозная поддержка. И по опыту скажу: никто не можетъ такъ поддержать, ободрить, наставить и направить на войнѣ нашего солдата, какъ можетъ сдѣлать это священникъ, если только онъ по пастырски отнесется къ дѣлу.

Вести свою пастырскую проповѣдническую работу на войнѣ священнику и легче, и проще. Здѣсь священники всегда въ кругу солдатъ и солдаты вокругъ него. Тутъ онъ—какъ отецъ, окруженный своими дѣтьми. И дѣло свое онъ долженъ вести тутъ по отечески. Не надо ему здѣсь назначать опредѣленныхъ часовъ для бесѣды, не надо искать аудиторій, не надо посредствомъ приказовъ по полку собирать слушателей; тѣмъ болѣе не надо ему читать своимъ слушателямъ лекцій. Стоитъ ему отойти нѣсколько шаговъ отъ своей палатки, заговорить съ однимъ солдатомъ, какъ подойдетъ другой, третій, соберется группа, образуется толпа, и тогда

говори батюшка, какъ отецъ съ дѣтьми, говори просто, безъ риторскихъ прикрасъ и заученныхъ выраженій, говори, какъ говорятъ близкіе люди, говори обо всемъ, о чемъ благовременно поговорить, учи правдѣ Божіей, поддерживай вѣру и бодрость духа, вѣрность долгу, царю и родинѣ, разбирай всѣ вопросы, какіе выдвинула полковая жизнь и боевое время, подготовляй свою часть къ бою, къ побѣдѣ, чтобы бой встрѣтила она безъ страха и къ побѣдѣ пришла. Нижніе чины сами подскажутъ батюшкѣ рядъ вопросовъ, на которые надо отвѣтить. А его дѣло лишь не оставить ихъ безъ отвѣта.

Очень дѣйственны и цѣнны такіа бесѣды священника на войнѣ.

Жизнь безъ грѣховъ не обходится. И на войнѣ случаются грѣхи: струсить, обидить солдата мѣтнаго жителя, напѣется до пьяна, струсить въ бою и т. п.—священникъ долженъ быть на стражѣ такихъ поступковъ. Это не трудно для него: на войнѣ самое незначительное происшествіе въ части сразу становится всеобщимъ извѣстно. Священникъ долженъ отозваться на всякій такой случай; только обличать виновнаго онъ долженъ не при всѣхъ, а, по заповѣди Спасителя, сначала наединѣ и только, если виновный не исправится, при свидѣтеляхъ. Не долженъ священникъ забывать и о нуждѣ, о горѣ солдатскомъ и стараться облегчить ихъ. Каждое слово добраго священника, съ лаской и отзывчивостью сказанное, каждая, самая незначительная матеріальная помощь, священникомъ оказанная, быстро передаются въ полку между нижними чинами. Этимъ обязаны пользоваться священники и какъ можно чаще бесѣдовать съ нижними чинами, какъ группами, такъ и по одиночкѣ, интересоваться ихъ жизнью и не оставлять ихъ безъ своихъ совѣтовъ.

Большой пособницей пастырскаго слова является хорошая книжка. Къ сожалѣнію, предъ войной о ней забыли. Въ спискѣ вещей, какими должна быть снабжена на войну воинская часть, даже такая крупная, какъ полкъ, о библіотекѣ нѣтъ помину. Библіотеками и не запасались ни части, ни священники, отправлявшіеся на войну. Предполагалось, что библіотека будетъ лишнимъ грузомъ, стѣсняющимъ передвиженіе части, у которой все должно быть взвѣшено и размѣрено. О библіотекѣ вспомнили на войнѣ, когда люди въ промежутки между боями томились отъ скуки и бездѣлья и съ жадностью голоднаго набрасывались на каждую печатную строку. Но... библіотекъ не было, а въ обозѣ

частей въ это время нерѣдко возилось много лишняго скарбу; мнѣ извѣстенъ случай, что въ одномъ полку возился нарядный полный столовый сервизъ, занимавшій шесть двуколокъ ¹⁾. Нѣсколько выручали изъ бѣды добрые люди, приславшіе изъ Россіи книги, да еще священники выписывали на церковныя средства книги и брошюры, но и то и другое не могло замѣнить настоящей библіотеки, если бы она была тщательно подобрана предъ отправленіемъ части на войну. Особенно чувствовалась необходимость книжки въ госпиталяхъ для выздоравливающихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Въ маѣ 1905 года для госпиталей одной изъ армій было выписано изъ Петербурга 20 библіотечекъ. Каждая библіотечка состояла изъ 173 названій книгъ и брошюръ религиозно - нравственного и патріотическо - историческаго характера. Подборъ книгъ былъ сдѣланъ предѣвателемъ С.-Петербургскаго Общества распространенія религиозно-нравственного просвѣщенія въ духѣ православной Церкви прот. Ф. Н. Орнатскимъ чрезвычайно удачно. Недорогія по цѣнѣ (номинальная стоимость каждой около 15 р.; „Общество“ взяло за каждую съ пересылкой 10 р.) онѣ дали массу разнообразнаго и интереснаго матеріала для чтенія. Книжки брались нарасхватъ и читались не только нижними чинами, но и офицерами съ захватывающимъ интересомъ. Даже чины другихъ частей, узнавъ о существованіи библіотеки, издалека приходили (за 6 и больше верстъ), чтобы получить книжку. Эти библіотечки принесли огромную пользу.

Въ будущемъ и „библіотечная“ ошибка должна быть устранена. Въ комплектѣ вещей, которыми снабжается на войну воинская часть, непременно должна значиться библіотечка съ добрымъ подборомъ книгъ. Лишняго груза она не можетъ составить. Если находится мѣсто въ обозѣ для хлѣба обыкновеннаго, то должно найтись мѣсто и для хлѣба духовнаго; возьмется сухари,—должна возиться и библіотека. Да и могутъ ли оказаться тяжелымъ бременемъ лишнихъ два—три пуда книгъ для обоза, рассчитаннаго на тысячи пудовъ. Объ этомъ и говорить не стоитъ. Надо лишь понять значеніе для части библіотеки, пожелать имѣть ее, и въ каждой части найдется мѣсто для нѣсколькихъ библіотекъ. А стоитъ понять, стоитъ пожелать...

1) Въ этомъ же полку багажъ полковой лавочки возился на 12 дву-
колкахъ.

Служеніе священника во время боя.

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что огромное большинство прибывших на Русско-Японскую войну священниковъ не имѣли должнаго представленія о томъ, гдѣ имъ придется быть и что дѣлать во время боя.

Этому нельзя удивляться, такъ какъ у насъ-то вообще немногіе тогда понимали, что такое война при современномъ развитіи техники—дальнобойности орудій, продолжительности сраженій и пр. У насъ большинство судило о войнѣ точно по „Иліадѣ“ Гомера, рисуя въ своемъ воображеніи красивыя картины стройныхъ движеній полковъ, стремительныхъ атакъ съ развернутыми знаменами, подъ громъ орудій и хоровъ музыки, и совсѣмъ закрывая глаза на оборотную сторону войны.

Священнику въ этой воображенной войнѣ отводилось мѣсто впереди части, которую онъ съ крестомъ въ рукахъ „примѣромъ“ мужества и словами убѣжденія“ увлекалъ въ отчаянную атаку на врага. И многіе священники, идучи на войну, рисовали въ своемъ воображеніи заманчивую картину, какъ они поведутъ свои части подъ огнемъ, пулями и снарядами въ бой. Дѣйствительность разбила мечты такихъ пастырей. Водить войска въ бой священникамъ не пришлось. Убійственная сила современнаго огня сдѣлала то, что дневныя атаки стали почти не мыслимы. Противники теперь атакуютъ другъ друга въ глухія ночи, подъ покровомъ ночной тьмы, безъ развернутыхъ знаменъ и безъ грома музыки; атакуютъ украдкой, чтобы не быть замѣченными и огнемъ орудій и пулеметовъ сметенными съ лица земли. При такихъ атакахъ священнику нѣтъ мѣста ни впереди, ни назади атакующей части. Ночью его никто не увидитъ, да и голоса его, разъ начнется атака, никто не услышитъ.

Къ этому надо добавить, что атаки, составлявшія поэзію прежней войны, вообще въ минувшую войну бывали не часты. Больше бывало прозы, когда враги, засѣвъ въ окопахъ, разили другъ друга ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, часто не видя, а лишь нащупывая другъ друга.

Съ перемѣной характера войны измѣнился и характеръ работы священника на войнѣ. Теперь мѣсто священника во время боя не въ боевой линіи, сплошь и рядомъ растянутой на огромное разстояніе, а около нея, и дѣло его не столько ободреніе находящихся въ строю, сколько служеніе выжившамъ изъ строя—ране-

нымъ и убитымъ. Чтобы быть понятнѣе, объясню, какъ велось это дѣло въ полку, гдѣ Господь мнѣ судилъ послужить въ Русско-Японскую войну, и какъ, по моему разумѣнію, дѣло должно вести въ каждой части, гдѣ есть священники.

Коснусь двухъ положеній полка: когда онъ участвуетъ въ бою и когда онъ находится въ резервѣ.

Боевая линія, занимаемая нашимъ полкомъ,—бывали случаи,—достигала трехъ верстъ и даже болѣе въ длину. Обычное положеніе чиновъ во время боя—стрѣльба изъ окоповъ. Движеніе кого бы то ни было во время боя вдоль всей боевой линіи затруднительно, очень рискованно, а для военного дѣла не безвредно, такъ какъ движущая фигура можетъ открывать противнику мѣсто расположенія части и вызвать усиленную стрѣльбу. Поэтому мнѣ думается, что обходъ священникомъ каждый разъ во время боя всей линіи боевого расположенія части, хоть и очень полезный для ободренія сражающихся, не возможенъ. Священникъ, кромѣ того, долженъ помнить, что онъ безъ нужды не долженъ подвергать себя опасности, такъ какъ выбитіе его изъ строя,—при невозможности замѣнить его другимъ,—огромный уронъ для части, и что онъ обязанъ употребить всѣ усилія, чтобы убитые и раненые въ полку не остались безъ его пастырскаго участія. Всему этому, однако, меня научилъ опытъ, пріобрѣтенный въ десяти бояхъ, въ первомъ же бою я поступилъ именно такъ, какъ не слѣдовало поступить. Я и безумно храбрый докторъ О—ъ, съ которымъ мнѣ пришлось не разлучаться во всѣхъ слѣдующихъ бояхъ, засѣли въ боевой цѣпи 9-й роты. Почему мы тамъ засѣли, затрудняюсь теперь объяснить. Кажется, потому, что положеніе этой роты было самымъ опаснымъ, а командиръ ея казался намъ очень симпатичнымъ. Толку отъ нашего сидѣнья не получилось никакого, хоть рискъ было очень много: много снарядовъ и пуль пролетало надъ нашими головами, а мы изнывали не отъ страха опасности, а отъ сознанія полной бесполезности, такъ какъ мы должны были все время лежать и не смѣли подняться, чтобы не выдать противнику мѣста расположенія части. Еще, слава Богу, что въ этой перестрѣлкѣ не было у насъ серьезно раненыхъ и ни одного убитаго, а то остались бы они и безъ моей и безъ докторской помощи. Зато мы оцѣнили несуразность такого участія въ бою и впредь стали устраиваться иначе.

Въ слѣдующихъ бояхъ мы устраивали особый перевязочный пунктъ, который находился вблизи боевой линіи противъ центра

боевого расположенія части и служилъ передаточными пунктами между полкомъ и главнымъ полковымъ перевязочнымъ пунктомъ, находившимся уже на значительномъ разстояніи отъ части. Раненыхъ, такимъ образомъ, на мѣстѣ перевязывали наскоро ротные фельдшера и сами солдаты, раненные затѣмъ быстро доставлялись на нашъ перевязочный пунктъ, гдѣ исправляли повязки, вновь перевязывалъ докторъ О. (ему помогали фельдшера, а иногда и кто л. изъ полковыхъ врачей), а я живыхъ утѣшалъ, ободрялъ, напутствовалъ, умершихъ погребалъ; когда же не было опасно больныхъ и умершихъ,—помогалъ перевязывать, понлъ чаемъ раненыхъ и пр. Дальше раненные переправлялись на главный перевязочный пунктъ, а оттуда въ дивизионный лазаретъ. Иногда, особенно во время ночныхъ боевъ наши оба пункта сходились вмѣстѣ и работали сообща.

Когда бой шелъ по всей линіи полка, я неотлучно находился на пунктѣ, куда стекались всѣ страдальцы и гдѣ я былъ нуженъ имъ. Когда же бой велся частью полка, и когда я могъ быть увѣренъ, что раненыхъ не пронесутъ мимо меня, я старался во чтобы то ни стало побывать у сражающихся. Цѣвили это наши солдаты; большую радость и ободреніе всякій разъ доставляло имъ мое появленіе во время боя подъ огнемъ. Сказанное въ это время священникомъ слово особенно близко принимается къ сердцу и, кажется, никогда не забывается. Полезно обойти священнику и предъ боемъ, пока не началась стрѣльба, роты своего полка, благословить ихъ, Божьей помощи имъ пожелать.

Кажется, что въ минувшую войну далеко не всегда соблюдался старый боевой обычай, когда предъ каждымъ боемъ служился молебенъ, а многіе чины исповѣдывались и причащались¹⁾.

Надо всѣми силами поддержать этотъ обычай, гдѣ онъ сохранился, а гдѣ исчезъ,—возобновить его и хранить. Легче воину идти на кровавый бой съ молитвою, съ памятью о Богѣ и съ Божьимъ благословеніемъ. Всякій добрый призывъ начальника скорѣе найдетъ откликъ у того, кто идетъ въ бой съ вѣрой и памятью крестной.

Сказаннымъ, думается мнѣ, совершенно опредѣляется, какъ характеръ работы священника во время боя, такъ и его мѣсто—въ бою.

¹⁾ Военные священники должны запастись, отправляясь на войну, возможно большимъ количествомъ запасныхъ Св. Даровъ. На войнѣ приготовить заранѣе Св. Дары не всегда возможно, а расходъ на нихъ огромный.

Священникъ обязанъ утѣшать, ободрять, напутствовать раненыхъ, хоронить умершихъ; его мѣсто—на перевязочномъ пунктѣ; когда присутствіе его на перевязочномъ пунктѣ не обязательно, онъ долженъ побывать и въ боевой линіи, чтобы своимъ появленіемъ ободрить и утѣшить и тамъ находящихся. Исключенія изъ этого положенія, конечно, могутъ быть и бывали. Представьте, что часть дрогнула и начала беспорядочно отступать; появленіе священника въ такую минуту можетъ сдѣлать большое дѣло. Или такой фактъ: на одномъ изъ полковыхъ перевязочныхъ пунктовъ въ Ляоянскомъ бою вмѣстѣ съ ранеными скопилось множество здоровыхъ солдатъ. Это были принесшіе раненыхъ съ поля сраженія. Стоило только присмотрѣться, какъ приносили раненыхъ, когда одного раненаго иногда несли шесть человекъ, чтобы убѣдиться, что одни изъ нихъ спасали раненаго, а другіе свою собственную шкуру. Трусы и бездѣльники, искавшіе повода, чтобы удрать съ поля сраженія, пользовались случаемъ, чтобы пристроиться къ выносившимъ раненыхъ въ помощь имъ. Попавъ на перевязочный пунктъ, они старались задержаться на немъ подъ разнымъ предлогомъ. Отъ находившагося на пунктѣ полкового священника не ускользнуло настроеніе этихъ „спасателей“ и онъ рѣшилъ водворить бездѣльниковъ на мѣсто, „Вы чего тутъ мотаетесь безъ дѣла? обратился онъ къ собравшимся сидѣвшимъ безъ дѣла десяткомъ нижнихъ чиновъ. „Мы раненыхъ принесли“— послѣдовалъ отвѣтъ „Вы раненыхъ принесли! Сапоги да шинели нѣкоторые изъ васъ несли, а не раненыхъ. Въ окопы надо вамъ идти. Тамъ ваши товарищи съ врагами дерутся, а вы тутъ зѣвать да покуривать будете. Зачѣмъ вы сюда изъ Россіи пришли? Стыдно! Живо стройся!“ Солдаты погорно поднялись и выстроились. „Шагомъ маршь!“ скомандовалъ батюшка. „Я быстро вернусь,—крикнулъ онъ на ходу доктору,—только эту погань на мѣсто отведу“... Бѣглецы были приведены въ окопы. „Вотъ гдѣ ваше мѣсто,—бездѣльники, а не на перевязочномъ пунктѣ. Молодцами будьте!“ сказалъ батюшка и бросилъ свою команду.

А вотъ и еще примѣры. Священникъ 8-го пѣх. Сибирскаго Томскаго полка П. Курдюмовъ въ тяжелую минуту для полка, когда послѣдній отступалъ подъ страшнымъ огнемъ непріятели, отходилъ въ самыхъ послѣднихъ рядахъ своей части, постоянно останавливаясь, чтобы перевязывать раненыхъ и напутствовать умирающихъ. Такъ онъ и остался на полѣ сраженія, раненый, какъ передавали, въ то время, когда напутствовалъ умирающаго. По свидѣтельству

б. начальника 6 сибир. стрѣлк. дивизіи г.-л. Данилова¹⁾ и офицеровъ, священникъ 24 В. С. стр. полка В. Дубницкій въ бою у Х. перевала отступалъ послѣднимъ, вынося съ санитаромъ изъ подъ непріятельскаго огня тяжело раненаго солдата. Когда о. Василій догналъ полкъ, считавшій уже его погибшимъ, его ряса и шляпа оказались прострѣленными въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Если бы окруженному непріателемъ полку пришлось пробиваться сквозь непріятельскіе ряды, кому-жъ идти впереди, какъ не священнику съ крестомъ? Подвигъ свящ. Щербаковского всеѣмъ извѣстенъ.

Приведенные примѣры говорятъ одно—что священникъ, базирясь на перевязочномъ пунктѣ, во всякое время долженъ быть готовъ пойти туда, гдѣ требуется его помощь и участіе.

Нахожденіе части въ резервѣ, по моему, одно изъ самыхъ непріятныхъ положеній. Сидѣть безъ дѣла гдѣ-нибудь за горой или въ лоцинѣ подѣ открытымъ небомъ и ждать, когда тебя позовутъ къ работѣ—и скучно и досадно. Кромѣ разговоровъ, тутъ другого занятія не бываетъ. Прямого дѣла въ это томительное время бездѣлья у священника какъ будто нѣтъ, но при желаніи онъ легко можетъ и долженъ его найти. Теперь то ему и заняться подготовкой чиновъ къ бою,—подойти къ однимъ, къ другимъ, обойти всѣхъ, напомнить о родинѣ, выславшей ихъ на защиту, о долгѣ, привести примѣры славныхъ подвиговъ, благословить ихъ и пр. и пр. Темъ для бесѣды въ это время найдется множество, надо лишь, чтобы нашлось у священника охота побесѣдовать. А то можетъ найтись и другого рода работа. Бываетъ, что та или другая сосѣдняя часть, по какой-либо причинѣ, осталась безъ священника. И теперь безъ священника сражается съ врагомъ. Тогда находящійся въ резервѣ священникъ долженъ послужить этой части, пока его полкъ будетъ оставаться въ резервѣ.

Въ минувшую войну чрезвычайно нуждались въ помощи священниковъ дивизіонныя лазареты. Дѣятельность этихъ учреждений въ промежуточное между боями время всеѣмъ замирала, но во время боя она была чрезвычайно кипучей. Во время боя сюда свозились раненые отъ всѣхъ полковъ дивизій; здѣсь больные скоплялись сотнями, здѣсь страдали, мучились, здѣсь же многіе умирали и тутъ же погребались. Присутствіе священника въ дивизи-

¹⁾ Нынѣ Ген.-Адъют. Ген.-отъ-Инфант., Членъ Александр. Комит. о раненыхъ.

зіонномъ лазаретѣ во время боя до крайности необходимо, и, однако, его при лазаретѣ по штату не положено и не было. Въ одной изъ арміи Главнымъ Священникомъ, въ виду такого положенія дѣла, было предписано дивизионнымъ благочиннымъ принять всѣ мѣры, чтобы дивизионные лазареты не оставались безъ священниковъ во время боя. Для этого рекомендовалось направлять въ эти лазареты полковыхъ священниковъ, находившихся со своими частями въ резервѣ, или священниковъ неразвернутыхъ госпиталей. Благочинными было приложено много усилій, чтобы выполнить это требованіе, но ихъ усилія встрѣтили много препятствій и со стороны начальниковъ частей, не желавшихъ отпускать отъ себя своихъ священниковъ, и въ трудности наблюденія за смѣною въ лазаретѣ священниковъ, которые должны были возвращаться къ своимъ частямъ, какъ только послѣднія вступали въ дѣло, и въ затруднительности самой смѣны. Поэтому и въ послѣдующее время дивизионные лазареты по большей части оставались безъ священниковъ, умиравшіе въ этихъ лазаретахъ чины—безъ напутствія, а умершіе—безъ христіанскаго погребенія. Въ будущей войнѣ это дѣло непремѣнно должно быть упрямочено. Опытъ удостовѣрилъ, что дивизионному лазарету во время боя болѣе, чѣмъ любой другой части, необходимъ священникъ и что обслуживаніе лазарета полковыми священниками невозможно,—для него нуженъ особый священникъ. Мы уже говорили, что и въ не боевое время для дивизіи мало имѣть четырехъ полковыхъ священниковъ и что на время войны слѣдовало дать каждой дивизіи для обслуживанія мелкихъ частей, входящихъ въ составъ ея, еще двухъ священниковъ. Одинъ изъ нихъ и находился бы во время боя при дивизионномъ лазаретѣ.

Церковное письмоводство на войнѣ.

Въ мирное время военными священниками ведутся метрическія книги и исповѣдныя вѣдомости, приходо-расходныя книги ведутся ктиторами; на войнѣ—все письмоводство ложится на священниковъ. Какъ-же оно велось въ минувшую войну?

Метрическія книги по мобилизаціи были выданы всѣмъ священникамъ полковымъ и госпитальнымъ и нѣкоторымъ изъ служащихъ при учрежденіяхъ Краснаго Креста. Каждый священникъ записывалъ въ свою книгу всѣхъ, кого онъ погребалъ;—записывалъ такимъ образомъ, въ одну книгу чиновъ разныхъ частей, разныхъ

корпусовъ, иногда даже разныхъ армій. Въ книгѣ извѣстнаго уже намъ іеромонаха Іосифа, священника отряда полковника Мадритова, помѣщенные записи касаются чиновъ изъ ста семи полковъ и баталіоновъ, 15 артиллерійскихъ бригадъ, 11 интендантскихъ и 9 госпитальныхъ учреждений. Такой порядокъ записыванія неудобенъ въ томъ отношеніи, что при немъ очень затруднительно, а то и совсѣмъ невозможно, отыскать метрическую запись извѣстнаго чина (когда ея не окажется въ метрической книгѣ его части), если родственники или часть не будутъ знать, какимъ именно священникомъ онъ погребенъ. Съ цѣлью хоть отчасти наладить это дѣло, въ одной изъ армій было предписано всѣмъ священникамъ, чтобы они о каждомъ погребенномъ ими чинѣ обязательно извѣщали командира части, къ которой принадлежалъ погребенный. Какъ исполняли священники указанное предписаніе,—это имъ извѣстно; но если и каждый изъ нихъ отнесся къ этому дѣлу со всей внимательностью, то, независимо отъ нихъ, многіе ихъ сообщенія могли, по условіямъ военнаго времени, затеряться, и командиры остаться въ неизвѣстности о судьбѣ погребенныхъ; а затѣмъ... командиры могли и не извѣстить родственниковъ. Затрудненія въ разыскиваніи записей исчезли бы, если бы по окончаніи кампаніи была сдѣлана классификація записей по частямъ такъ, чтобы чины одной части были занесены въ одну книгу и классифицированныя записи хранились бы въ Духовномъ Правленіи. Но это дѣло потребовало бы большого труда и расходовъ даже въ томъ случаѣ, если бы каждый священникъ представилъ вмѣстѣ съ своей метрической книгою краткій реестръ погребенныхъ по частямъ.

Затѣмъ, и съ точки зрѣнія количественной и даже отчасти качественной, веденіе метрическихъ записей въ арміяхъ не было *удачнымъ*. Неизмѣнно кончавшіяся отступленіями сраженія минувшей кампаніи были причиною того, что громадное большинство труповъ убитыхъ нашихъ воиновъ достались непріятелю. Священниками же погребены сравнительно немногіе, вынесенные изъ огня или же умершіе отъ ранъ на перевязочныхъ пунктахъ.

Въ отношеніи метрическихъ записей полковые священники поступали двоякимъ образомъ: одни священники записывали только лично ими погребенныхъ, другіе—всѣхъ объявленныхъ убитыми въ приказахъ по полку, составлявшихся на основаніи показаній ротныхъ командировъ и нижнихъ чиновъ. Но послѣдній порядокъ оказался неудобнымъ, такъ какъ въ приказахъ сплошь и рядомъ убитыми ошибочно показывались живые, чаще всего—тяжело раненые

и затѣмъ взяты въ плѣнъ или подобранные какимъ-либо санитарнымъ отрядомъ, а иногда и здоровые, попавшіе въ плѣнъ; одни изъ нихъ затѣмъ возвращались въ свои полки, другіе—на родину. Не трудно представить, сколько бѣдъ могло натворить занесеніе живыхъ въ метрическія книги о умершихъ. Жены этихъ quasi-мертвецовъ, вытребовавъ метрическія выписи, могли выходить замужъ, наслѣдники раздѣлить имущество и пр. И это, какъ мнѣ извѣстно, бывало на самомъ дѣлѣ. Кромѣ того, такой порядокъ записыванія противорѣчилъ самому характеру и назначенію метрическихъ книгъ: обычно въ нихъ записываются не всѣ выбывшіе изъ извѣстной части: прихода, полка и т. п., а лишь погребенные священникомъ, ведущимъ книгу (кто совершалъ погребеніе и гдѣ погребены).

Поэтому священникамъ въ одной изъ армій было предписано заносить въ метрическія книги только тѣхъ, которые ими лично погребены, или относительно которыхъ съ несомнѣнностью удосто-вѣрено не только то, что они убиты, но и что погребены на позиціи (зарыты въ землю).

Но и лично священникомъ погребенные часто не могли быть записаны въ метрическую книгу за невозможностью опредѣлить, кто онъ. Священникъ въ послѣднемъ отношеніи оказывался особенно безпомощнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось хоронить принадлежавшихъ къ другимъ частямъ чиновъ, убитыхъ въ бою, или умершихъ отъ ранъ и не успѣвшихъ предъ смертью сообщить о своемъ имени и проч. Правда, Командующимъ Маньчжурскою арміею въ самомъ началѣ кампаніи было приказано завести во всѣхъ частяхъ для нижнихъ чиновъ металлическія дощечки, на которыхъ обозначались бы часть и № нижняго чина. Однако, эти дощечки почти нигдѣ не были заведены, по крайней мѣрѣ, видѣть ихъ на убитыхъ и раненыхъ чинахъ не приходилось; да и поддерживать ихъ въ частяхъ войскъ, при чрезвычайно частой смѣнѣ чиновъ, едва ли было возможно. Поэтому узнавать умершаго, разъ никто изъ окружающихъ не могъ признать его личность, оставалось по случайнымъ надписямъ на мундирѣ (который, надо замѣтить, равно какъ и надпись на немъ, могли принадлежать другому) на шапкѣ, по случайно найденному въ карманѣ письму и т. п. Насколько подобный способъ узнаванія былъ успешенъ, можно судить по слѣдующему случаю: 4 марта 1905 г. на ст. Чантафу изъ санитарнаго поѣзда было вынесено двадцать умершихъ нижнихъ чиновъ и одинъ офицеръ. Поѣздъ далъ свѣ-

дѣнія только о трехъ нижнихъ чинахъ, успѣвшихъ предъ смертью сказать кое-что о себѣ, да сообщилъ фамилію офицера. Кромѣ того изъ надписи на нагрудномъ обрѣзкѣ можно было узнать, что мать офицера живетъ въ гор. Смоленскѣ и фамилія ей N. О семнадцати нижнихъ чинахъ нельзя было добыть никакихъ свѣдѣній¹⁾. Послѣ этого случая однимъ изъ Полевыхъ Главныхъ Священниковъ была подана чрезъ Дежурнаго Генерала Командующему арміей докладная записка, въ которой доказывалась необходимость снабженія всѣхъ чиновъ значками, напримѣръ, зашитыми въ холсты и носимыми на груди бумажками, на которыхъ были бы обозначены всѣ свѣдѣнія, необходимыя для опредѣленія личности неизвѣстнаго чина: принадлежность чина извѣстной части, его имя, фамилія, даже адресъ родственниковъ. И Командующій арміей и Главнокомандующій согласились съ содержаніемъ докладной записки и въ своихъ приказахъ по арміи (приказанія № 66 отъ 7-го апрѣля 1905 года) потребовали отъ всѣхъ частей примѣненія мѣры, указанной въ запискѣ.

Всѣ ли части исполняли приказаніе своихъ вождей, и насколько опытъ узнаванія погребаемыхъ чиновъ посредствомъ заведенныхъ записокъ оказался бы удачнымъ,—это показало бы время боя, но боя послѣ указанныхъ приказовъ не было. Однако, госпитальные священники сообщали, что въ госпиталяхъ часто встрѣчались нижніе чины съ записочками на груди, и эти записочки въ случаяхъ смерти очень помогали точному опредѣленію личности умершихъ.

И для полноты и точности метрическихъ записей и еще болѣе для блага родственниковъ воиновъ, погибающихъ на полѣ брани, необходимо въ будущемъ на время войны снабдить каждаго чина такимъ знакомъ, который бы давалъ достаточно свѣдѣній для точнаго опредѣленія личности каждаго умершаго.

Съ качественной стороны метрическія записи военного времени также оставляли желать лучшаго.

1) Или другой примѣръ. Въ метрической книгѣ по мобилизаціи, выданной въ походную церковь при отрядѣ полковника Мадритова (№ 989) на листахъ 84 и 85 подъ 26 февраля 1905 г. имѣется оригинальная запись: выставлены №№ съ 453—500, а въ графѣ „званіе, имя“ помѣчено „во время мукденскаго боя погребеніе совершалъ іеромонахъ Іосифъ, ст. Хушатай доставленный комендантомъ санитарнаго поѣзда для преданія земли“. Это все—неопознанные.

Такая же запись подъ №№ съ 80—100. Всего въ книгѣ іеромонаха Іосифа записано болѣе 150 „неизвѣстныхъ чиновъ“.

Прежде всего, многія изъ нихъ не отличались нужною полнотою. Виновны, однако, въ этомъ болѣе самыя воинскія части, къ которымъ принадлежали запасные, чѣмъ учинявшіе записи священники, такъ какъ части очень небрежно и неохотно относились къ требованіямъ священниковъ о высылкѣ необходимыхъ для записи свѣдѣній.

Больше недочетовъ представляли госпитальныя метрическія книги, въ особенности книги, которыя велись іеромонахами. Невѣжество, безграмотность значительной части послѣднихъ служили камнями преткновенія, о которые разбивались всякія требованія, предписанія, разъясненія и объясненія Полевого Главнаго Священника и благочинныхъ ¹⁾. Нѣкоторымъ изъ іеромонаховъ, не подчиненныхъ благочиннымъ, было приказано не заносить записей въ бѣловую метрическую книгу ранѣе, чѣмъ онѣ будутъ пересмотрѣны и одобрены Полевымъ Главнымъ Священникомъ. Эта мѣра сильно помогала дѣлу. Къ сожалѣнію, ее нельзя было примѣнить въ отношеніи тѣхъ іеромонаховъ, которые съ своими частями находились слишкомъ далеко отъ Главной Квартіры.

Такимъ образомъ, громадное большинство изъ погибшихъ на полѣ сраженія въ минувшую кампанію остались незаписанными въ метрическія книги; розысканіе нѣкоторыхъ записей будетъ соединено съ громаднымъ трудомъ, если не съ невозможностью, такъ какъ не будетъ извѣстно, въ какой изъ множества метрическихъ книгъ по мобилизаціи учинена нужная запись. Слѣдовательно, метрическія книги послужатъ только меньшинству, хотя онѣ предназначены для всѣхъ. По нашему мнѣнію, это ясно доказываетъ несостоятельность метрическихъ книгъ по мобилизаціи. Регистрація убитыхъ и умершихъ отъ ранъ и болѣзней чиновъ во время войны должна быть поручена самимъ частямъ; части же должны выдавать, кому слѣдуетъ, удостовѣренія о смерти чиновъ и этимъ удостовѣреніямъ должно быть присвоено закономъ во всѣхъ отношеніяхъ значеніе метрическихъ записей.

На всѣхъ же священниковъ, находящихся на театрѣ военныхъ дѣйствій, могъ бы быть возложенъ долгъ челоуѣколюбія,—это обязанность о чинахъ своей части, погибающихъ на полѣ брани или умирающихъ отъ болѣзней, и о погребенныхъ ими чинахъ другихъ частей, извѣщать родственниковъ погибшаго, сообщая, если возможно,

¹⁾ Примѣръ—книга № 989 церкви при летучемъ отрядѣ полковника Мадритова.

послѣднимъ не только о самомъ фактѣ смерти, но и о послѣднихъ минутахъ умершаго, о мѣстѣ его погребенія и т. п.

Что касается исповѣдныхъ вѣдомостей, то здѣсь прежде всего надо сказать, что этотъ документъ лишенъ всякаго значенія и фактически невыполнимъ въ военное время. Что можетъ представлять извѣстная исповѣдная вѣдомость полковой церкви за 1904 годъ, что она можетъ засвидѣтельствовать о полкѣ, составъ котораго мѣнялся безпрестанно и въ теченіи этого года могъ измѣниться четыре раза, какъ это было съ нѣкоторыми Вост.-сиб. стр. полками? Кому и на что она нужна? Даже для статистики исповѣдная вѣдомость военнаго времени не могла ничего дать, такъ какъ ни одинъ священникъ не имѣлъ возможности заносить въ нее говѣвшихъ у него чиновъ, принадлежащихъ къ другимъ частямъ, и тѣмъ болѣе не могъ отмѣтить, кто изъ чиновъ частей, не имѣвшихъ своихъ священниковъ, не исполнилъ долга исповѣди. На войнѣ приходы не были и не могли быть разграничены. И, однако, Духовное Начальство требовало отъ находящагося на войнѣ духовенства представленія исповѣдныхъ вѣдомостей. Конечно, оно въ данномъ случаѣ должно было поступиться буквой закона. На войнѣ у священника много живого и настоящаго дѣла; нельзя обременять его въ такую пору бесплодной и крайне сложной работой. Сложность и тяжесть этой работы и вообразить трудно. Нѣкоторымъ священникамъ приходилось переисповѣдать въ теченіе года до десяти тысячъ. Теперь представьте, чего стоило-бы составить исповѣдную вѣдомость на десять тысячъ человекъ, при походной обстановкѣ, когда священники должны были непрерывно перекочевывать съ мѣста на мѣсто, а во время стоянокъ жить въ палаткахъ и землянкахъ, гдѣ походная кровать служила и ложемъ, и столомъ, и стуломъ. Да еще, выполняя сизифову работу, сознавая, что она и безцѣльна, и бесплодна. Неудивительно, что требованіе начальства представить исповѣдныя вѣдомости вызвало и недоумѣніе, и негодованіе. Общій голосъ бывшаго на войнѣ духовенства свидѣтельствовалъ, что этому документу не къ чему рождаться на войнѣ.

Иное дѣло—приходо-расходныя книги. Копейка казенная любить гласность и нуждается въ учетѣ. На театрѣ же военныхъ дѣйствій церковныя поступленія (кошелекъ и свѣчи) бывали очень значительны. Во избѣжаніе всякихъ подозрѣній, нареканій и просто для порядка, этимъ поступленіямъ должна вестись строгая отчетность. Нѣтъ нужды заводить приходо-расходныя книги мирнаго времени,—онѣ довольно громоздки,—можно обойтись простыми те-

традями, непремѣнно прошнурованными и скрѣпленными Полевымъ Главнымъ Священникомъ, но тетради эти должны подлежать тому же контролю, какъ и приходо-расходныя книги.

Въ минувшую кампанію за вѣми церковными службами въ 1-й Маньчжурской арміи производился сборъ въ пользу семействъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ воиновъ, дававшихъ значительныя суммы. Идея этого сбора быстро распространилась по арміи и вездѣ была принята необыкновенно сочувственно. По полкамъ были образованы комиссіи, принявшія на себя трудъ сбора и распредѣленія между обездоленными пожертвованій. Пожертвованія потекли отовсюду: жертвовали нижніе чины и офицеры въ храмѣ, жертвовали офицеры по случаю полученія ими орденовъ и чиновъ; командиры полковъ и начальники дивизій отчисляли на это святое дѣло большія цифры изъ хозяйственныхъ полковыхъ суммъ. Общая цифра полученнаго такимъ порядкомъ сбора въ 1-й Маньчжурской арміи значительно превышала 100 т. р. Инициатива этого сбора принадлежала духовенству, духовенствомъ главнымъ образомъ вынесенъ и трудъ сбора. Дай Богъ, чтобы этотъ симпатичный и благодѣтельный починъ не остался безъ подражателей и въ будущемъ.

Личный составъ духовенства арміи.

Продуктивность пастырской работы на войнѣ прежде всего зависитъ отъ личнаго состава духовенства. Если служеніе священника вообще высоко и трудно, то на войнѣ оно еще выше и труднѣе. На войнѣ священникъ всегда среди чиновъ своей части, всегда на виду, въ кругу людей разныхъ взглядовъ и убѣжденій, какъ вѣрующихъ, такъ и не вѣрующихъ, какъ уважающихъ его служеніе, такъ и недоброжелательно настроенныхъ. Чтобы заслужить уваженіе не только первыхъ, но и вторыхъ, священникъ долженъ обладать высокими, какъ нравственными, такъ и умственными качествами. Обстановка боевого времени сурова, жизнь на войнѣ сопряжена съ большими физическими лишеніями и нравственными страданіями, для перенесенія которыхъ у священника должно быть много силъ и бодрости. Престарѣлымъ и болѣзненнымъ — не мѣсто тутъ. Паства на войнѣ болѣе, чѣмъ въ другое время, ждетъ отъ своего пастыря разумной службы, нуждается въ живомъ и вдохновенно, мощномъ и дѣйственномъ словѣ, въ примѣрѣ высокомъ и увлекающемъ; священникъ, разъ онъ прибылъ на войну, долженъ внести свою цѣнную лепту въ великое дѣло воспитанія добраго духа арміи, подготовленія ея къ побѣдѣ. Сильные словомъ

и дѣломъ пастыри нужны на войнѣ. Война, говорятъ,—государственный экзаменъ для націи. Не гоже въ качествѣ представителей Церкви посылать на этотъ экзаменъ, на которомъ потребуется тяжелая, отвѣтственная, просвѣщенная работа, слабыхъ и хилыхъ, хромыхъ и слѣпыхъ, младенцевъ по уму, совсѣмъ не подготовленныхъ и неспособныхъ вынести работу, какая отъ нихъ потребуется. Ясно, что подборъ священниковъ для дѣйствующей арміи долженъ быть сдѣланъ очень осторожно, внимательно и разумно. Было-ль это сдѣлано для минувшей войны? Чтобы быть болѣе точнымъ, я буду говорить о духовенствѣ 1-й арміи. Духовенство 1-й арміи, и по образовательному цензу и по своей дѣятельности и по отношенію къ нему чиновъ арміи, рѣзко дѣлилось на двѣ категоріи: къ первой принадлежало главнымъ образомъ военное духовенство, ко второй—присланное на войну изъ разныхъ епархій. Военное духовенство служило въ полкахъ, епархіальное преимущественно въ госпиталяхъ. Военное духовенство состояло изъ окончившихъ курсъ семинарій, преимущественно—студентовъ ¹⁾, за немногими исключеніями было молодо и сильно, знало духъ арміи и способы пастырскаго вліянія на нее, было дѣятельно и самоотверженно, работа его была по большей части серьезна и просвѣщенная; нѣкоторые же изъ военныхъ пастырей пользовались въ своихъ частяхъ огромной любовью и уваженіемъ.

Госпитального духовенства было 36 человекъ; изъ нихъ 17 бѣлыхъ священниковъ и 19 іеромонаховъ. Въ числѣ 17 бѣлыхъ священниковъ было пять студентовъ семинарій, 5 окончившихъ курсъ семинарій, по второму разряду, 4 выбывшихъ изъ первыхъ классовъ семинарій, 1 окончившій учительскую семинарію, 1 уволенный изъ духовнаго училища, 1 съ домашнимъ образованіемъ, полученнымъ въ крестьянской семьѣ. Образовательный цензъ госпитальныхъ 19-ти іеромонаховъ былъ таковъ: 1 изъ учительской семинарій, 2 уволенныхъ изъ низшихъ классовъ дух. училищъ и 16 съ домашнимъ образованіемъ, которое у нѣкоторыхъ было таково, что они едва подписывали свое святое имя, съ препятствіями разбирали славянскую печать. Само собою понятно, что недостатокъ образованія давалъ себя чувствовать въ ихъ дѣятельности. Въ то время, какъ образованные полковые священники были не только

¹⁾ Съ высшимъ, академическимъ образованіемъ въ рядахъ этого духовенства было два священника.

требоисправителями, но и учителями ¹⁾), часто сильно вліявшими на жизнь своей паствы,—малограмотные госпитальные были лишь „погребателями“, „панихидствователями“, „молебствователями“. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда дѣятельность ихъ выходила изъ рамокъ требоисправленія, она чаще всего пріобрѣтала нежелательный и для нихъ и для дѣла характеръ. Ихъ проповѣди, напр., вызывали со стороны врачей, среди которыхъ бывало не мало евреевъ, поляковъ и православныхъ-невѣрующихъ, злую критику; а діалектическія попытки нѣкоторыхъ изъ особенно ревностныхъ къ вѣрѣ обратить сомнѣвающихся и невѣрующихъ врачей на истинный путь кончались посрамленьемъ самихъ обратителей. Только очень немногіе изъ недоучекъ священниковъ и малограмотныхъ іеромонаховъ своимъ смиреніемъ, любовью и христіанскимъ отношеніемъ къ больнымъ сумѣли заслужить нѣкоторое уваженіе и доброе отношеніе къ себѣ чиновъ госпиталя.

При посѣщеніяхъ госпиталей чувствовалась громадная разница въ отношеніяхъ врачебнаго персонала къ священнику, смотря по тому, былъ ли это образованный священникъ или выученный по псалтири іеромонахъ: въ первомъ случаѣ приходилось видѣть, что священнику сослуживцами оказывается и любовь и почтеніе, во второмъ—неизмѣнно наблюдать при лучшей обстановкѣ—покровительственно снисходительное отношеніе госпитальныхъ чиновъ къ священнику, при худшей—небрежное, а то и насмѣшливо враждебное.

Только что изложенное, кажется, съ ясностью доказываетъ, что епархіальныя начальства безъ достаточнаго вниманія отнеслись къ выбору священниковъ на войну. Между тѣмъ добрый выборъ долженъ былъ быть сдѣланъ и могъ быть сдѣланъ. Развѣ Русь до того оскудѣла добрыми пастырями, что она въ трудную годину для сражающагося воинства не можетъ дать сотню-другую добрыхъ одушевленныхъ пастырей? Развѣ мало было желающихъ раздѣлить невзгоды и труды дѣйствующей арміи? Конечно, было много; только выбирали не тѣхъ, кто былъ достоинъ, кто горѣлъ желаніемъ послужить арміи, а случайныхъ ²⁾.

1) Изъ Епархіальныхъ Начальствъ, приславшихъ въ 1-ю армію священнослужителей, рѣзко выдѣлилось Екатеринославское: оно дало четырехъ священниковъ, которые съ большою пользою и честью потрудились на войнѣ.

2) Нѣкоторые же изъ начальствъ, повидимому, воспользовались случаемъ мобилизациі, чтобы сплавить негодныхъ. Впрочемъ, такъ же поступали и многія воинскія части въ отношеніи негодныхъ офицеровъ.

Между тѣмъ государство какъ бы все предприняло для того, чтобы выборъ епархіальныхъ священниковъ для войны былъ добрымъ. Содержаніе госпитальнымъ и вообще прибывшимъ по мобилизаціи священникамъ было назначено болѣе чѣмъ приличное: 90 руб. жалованья, 90 руб. порціонныхъ: фуражныхъ на двѣ лошади—отъ 50—70 р., дровяныя, на варку пищи и пр.,—всего отъ 250—300 р. въ мѣсяць. Кромѣ того, по указу Святѣйшаго Синода отъ 16 августа 1904 г., за бѣлыми священниками были оставлены приходы съ содержаніемъ по нимъ и квартирами. Мобилизаціонные священники, такимъ образомъ, были много лучше обеспечены, чѣмъ военные. При такомъ обеспеченіи можно было набрать отменно добрыхъ.

И полкѣвые и госпитальные священники возвратились на родину щедро украшенными знаками отличія. Больше получили, конечно, потрудившіеся съ начала и до конца кампаніи; но и прибывшіе во единонадесятый часъ не остались безъ награды. Отличены сравнительно одинаково всѣ: почти всѣ, наиримѣрь, трудившіеся съ начала кампаніи, получили ордена Анны 3 ст. и 2 ст., Владиміра 4-й ст. и наперсные кресты.

По странному совпаденію, лучшіе изъ священниковъ и благочинные, до послѣдняго времени оставались въ отношеніи наградъ опереженными другими. И здѣсь „сыны вѣка сего оказались мудрѣ сыновъ царствія“...

Въ значительной степени подобная случайность зависѣла отъ того, что награжденіе священниковъ производилось помимо заключенія Полевого Главнаго Священника ¹⁾. Такимъ образомъ, въ награжденіи священниковъ не было сравнительной оцѣнки, и получалъ больше наградъ тотъ священникъ, ближайшее начальство котораго, полковой командиръ, былъ щедрѣе на награды. Слѣдствіемъ устраненія Полевого Главнаго Священника отъ участія въ награжденіи подчиненнаго ему духовенства еще было и то, что иногда награждались такіе священники, которые по закону не имѣли право на награжденіе. Какъ на выдающійся случай въ этомъ родѣ можно указать на награжденіе одного изъ госпитальныхъ священниковъ, не бывшаго въ бою, крестомъ на Георгіевской лентѣ и орденомъ св. Анны 3-й степени послѣ того, какъ Епархіальный Преосвященный отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ на возбужденную чрезъ По-

¹⁾ Во всѣхъ другихъ Управленіяхъ и Вѣдомствахъ наградные списки подчиненныхъ проходили чрезъ руки ихъ начальства, вѣдомство военнаго духовенства составляло исключеніе.

левого Главнаго Священника просьбу главнаго врача госпиталя объ исключеніи изъ послужнаго списка означеннаго священника значившейся тамъ подсудности и не считаніи этой подсудности препятствіемъ къ награждѣ.

Въ общемъ свидѣтельствуя о вниманіи къ духовенству военнаго начальства, награды, въ частности, въ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ, такимъ образомъ могли лишь говорить о продолжительности или кратковременности работы извѣстнаго лица на бранномъ полѣ и далеко не всегда служили мѣриломъ качества и плодотворности этой работы.

Я въ общихъ чертахъ охарактеризовалъ дѣятельность нашего духовенства въ минувшую войну, отмѣтивъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя ея стороны. Надѣюсь, что другіе участники войны продолжать мою работу¹⁾, восполнять мой „піонерскій“ трудъ. Я же счастливъ буду, если начатое мною освѣщеніе огромной важности вопроса поможетъ пастырямъ — участникамъ будущей войны — выйти на поле брани съ большимъ опытомъ, съ лучшими силами и для славы родины и воинства поработать съ большимъ успѣхомъ.

Н.

ХРОНИКА.

— 14 сентября, въ праздникъ Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста Господня, по случаю юбилейнаго чествованія въ сей день о. протоіерея А. А. Ставровскаго, о. Протопресвитеръ Г. І. Шавельскій служилъ литургію въ Спб. адмиралтейскомъ соборѣ св. Спиридонія, въ сослуженіи о. юбиляра — настоятеля собора, оо. настоятелей: Преображенскаго собора, прот. С. А. Голубева, Никольскаго Морского — прот. Н. Н. Кодратова, Троицкаго-Измайловскаго — прот. В. Н. Грифицова и оо. протоіереевъ — Е. І. Запольскаго, К. І. Красовскаго, В. П. Козьмина и В. К. Воскресенскаго. Предъ благодарственнымъ молебномъ, въ которомъ приняло участіе свыше 40 священно-церковно-служителей военнаго и морского вѣдомства, о. Протопресвитеръ обратился съ рѣчью къ юбиляру²⁾.

— Во вторникъ, 18 сентября, Его Высокопреподобіе служилъ

¹⁾ Въ виду предполагаемаго въ настоящее время составленія особой „памятки“ для военнаго священника на случай войны, было бы весьма желательно въ возможно-непродолжительномъ времени получить дополнителныя сообщенія къ настоящему очерку отъ другихъ участниковъ минувшихъ кампаній.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ юбилейномъ чествованіи будетъ сообщено въ слѣдующемъ №-рѣ.

молебень въ манежѣ мѣстныхъ войскъ по случаю открытія занятой учебнаго сбора нижнихъ чиновъ-санитаровъ „Краснаго Креста“ при чемъ произнесъ рѣчь о служеніи раненымъ воинамъ.

— Въ воскресенье, 23 сентября, о. Протопресвитеръ служилъ литургію въ Троицкомъ соборѣ л.-гв. Измайловскаго полка по случаю окончанія капитальнаго ремонта сего собора и сказалъ слово означенія храма для народа.

— 25 сентября, въ день памяти преп. Сергія, Радонежскаго чудотворца, и престольнаго праздника Сергіевскаго всей артиллеріи собора о. Протопресвитеръ служилъ литургію и молебень преподобному въ семь соборѣ, въ сослуженіи о. Помощника Протопресвитера (настоятеля собора) прот. І. В. Морева, бывшаго настоятеля, митрофорнаго прот. І. А. Философова, митрофорнаго прот. А. П. Журавскаго, Благочиннаго прот. П. В. Николаевскаго, прот. О. А. Боголюбова, прот. Е. І. Запольскаго, свящ. о. В. Климова, свящ. о. І. Николаевскаго и всего соборнаго причта. За литургію Его Высокопреподобіе произнесъ назидательное слово о великихъ завѣтахъ преподобнаго Сергія русскому народу.

Письмо въ редакцію.

Тронутый до глубины души вниманіемъ, оказаннымъ мнѣ въ дорогой для меня день 14-го сентября военнымъ и морскимъ духовенствомъ, моими бывшими и настоящими сослуживцами и не имѣя возможности отвѣтить каждому изъ нихъ, приношу, черезъ уважаемый нами журналъ, мою искреннюю благодарность всемъ почтившимъ меня въ этотъ день. Протоіерей Ал. Ставровскій.

Отъ редакціи.

Вновь поступило въ редакцію на стипендію имени о. протоіеря А. А. Ставровскаго: Отъ причтовъ, ктиторовъ и старостъ С.-Петербургскихъ морскихъ церквей—116 руб. 75 коп., отъ Благочиннаго Москов. воен.-неподвижныхъ церквей—40 руб. (въ томъ числѣ отъ прот. о. А. Копецкаго—10 р., свящ. о. С. Лебедева—10 р., свящ. о. В. Кармазинскаго—10 р., прот. о. В. Бучинскаго—5 р., діак. А. Херсонскаго—3 р., псаломщ. А. Копецкаго—1 р. и псал. С. Соловьева—1 р.), чрезъ И. М. Семенова отъ прот. І. Покровскаго—10 р., отъ Благоч. прот. І. С. Яроцкаго—10 р., свящ. о. А. Лебедева—3 р., свящ. о. А. Архангельскаго—5 р. и свящ. о. І. Корпенка—3 р., а всего съ прежде поступившими—451 рубл. 75 коп.

Редакторъ, прот. Евгений Запольскій.

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть официальная. Распоряженія о. Протопресвитера. — Часть неофициальная: Служеніе пастыря на войнѣ. — Хроника. — Письмо въ редакцію. — Отъ редакціи.

Отъ Спб. Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается
28 сентября 1912 г. Цензоръ, Архимандритъ Василій.